

болого. Целые сутки в тине сидел, едва оттуда выбрался.

Воротился домой — жена родила, надо за попом ехать, ребенка крестить.

— Нет, — говорит, — не поеду за попом!

— Отчего так?

— Жувравлей боюсы! Опять понесут по поднебесью; пожалуй, с телеги сорвусь, до смерти ушибусь!

— Не бойсь! Мы тебя к телеге канатом прикрутим.

Вот хорошо, положили его в телегу, обвязали канатом, лошадь поворотила на дорогу; стегнули раз, другой — она и полглась рысцою.

За деревней-то был колодец, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться, свернула с дороги в сторону и прямо к колодцу; а колодец был без сруба, а упряжь-то без шлеи, и узда без повода, а хомут большой, просторный; лошадь наклонилась к воде, а хомут через голову и съехал долгой.

Вот лошадь напглась и пошла назад, а мужик с телого остался у колодца.

На ту пору выгнади охотники из лесу медведя; медведь бросился со всех ног, набежал на телегу, хотел перескочить, прыгнул — да прямо в хомут и попал! Видит, что беда на носу, и пошел валить что есть силы с телого.

— Батюшки, помогите! — кричит мужик.

От того крику медведь еще пуше напугался; пошел таскать по кочкам, по яругам (*крутым оврагам*), по болотам. Прибежал на печьник, полез на дерево и телегу за собой потащил — захотелось, видно, медку попробовать. Влез на самую верхушку, а телера вниз тнет: бедный медведь и сам не рад, ни взад, ни вперед!

Немного спустя времени пришел хозяин, увидал медведя.

— Ага, — говорит, — попался! Вишь, ты какой бездельник, Мишка: не просто за медом пришел, на телеге приехал!

Схватил топор и ну рубить дерево под самый конец. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задавило совсем мужика, а медведь выскочил из хомута да бежать: только унеси бог ноги!

Вот каковы журавли!

Жил я с дедушкой, а батька мой тогда еще не родился: по тому самому, как начался свет, — было мне семь лет.

Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика: глазком не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт.

Лошадей было много: шесть кошек езжалых, двенадцать котов стоялых; один жеребец бойкий — кот сибирский был на цепь прикован возле печки к столбу.

Земли у нас с дедом было видимо-невидимо: пол да лавки сами засевади, а печь да подати внаймы отдавали. Родилось хлеба много; стали убирать — девать некуда.

Дед был умен, а я догадлив; склади скирду на печном столбу; велика скирда — глазом не окинешь, хоть взглянуть не на что! И завелась в ней мыши, стали хлеб точить; жеребец наш бойкий — кот сибирский прыг на стол — мышей не изловил, скирду в лохани уронил. Дед голосом завыл, а я заголосил:

— Чем теперь кормиться-то будем?

Только дед был умен, а я догадлив; вытащили хлеб из лохани, пересушили и обмолодили.

Время было к празднику, стали мы согод готовить да пиво варить; как в ложке затерли, в корпе (*ковше*) развели — вышло пива с целую бочку. Что гостей-то к нам привадило — и в дом и на двор, по улице пройтись нельзя от народу!

Дед выставил бочку с пивом, принес большущий ковш и давай всех поить-угощать. Стали к нему гости подходить; а дед был очень прост — всякому по полному ковшу: как кому поднесет, да за волосы потрясет, да четвертым поленом по затылку оплетет, так и с ногой! Сколько тут пьяных набралось — по двору, по улице как шмели ползают! Перепили мы с дедом всю деревню, да так перепили — который и проспится, так опохмелиться не хочет; а пива все-таки осталось немало — целую неделю мы с дедом пили, насилу выпили.

После того смотрю я — дров в дому ни полена, а